

М.А. Антонин

Размышления

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
М11

M11 **М.А. Антонин**
Размышления / М.А. Антонин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-517-88316-2

"Размышления" личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина (философа, представителя позднего стоицизма, последователя Эпиктета), сделанные им в 70-е гг. II в. н.э. Они отражают стремление Марка Аврелия руководствоваться в своем мироощущении стоическим учением. Благодаря исключительному положению Марка Аврелия и его развиившемуся литературному дарованию этот документ, позволяющий (редчайший случай в истории античной литературы!) наблюдать не столько даже личную жизнь, сколько напряженную личную работу над освоением достижений многовековой стоической традиции, стал впоследствии одним из наиболее читаемых памятников мировой литературы. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1985 года.

ISBN 978-5-517-88316-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВАЯ КНИГА

1. От деда моего Вера¹ — изящество нрава и негневливость.

2. От славы и памяти, оставленной по себе родителем,¹ скромное, мужеское.

3. От матери¹ благочестие и щедрость, воздержание не только от дурного дела, но и от помысла такого. И еще — неприхотливость ее стола, совсем не как у богачей.

4. От прадеда¹ то, что не пошел я в общие школы, а учился дома у хороших учителей² и понял, что на такие вещи надо тратиться не жалея.

5. От воспитателя,¹ что не стал ни зеленым, ни синим,² ни пармуларием, ни скутарием;³ еще выносливость и неприхотливость, и чтобы самому делать свое, и не вдаваться в чужое;⁴ и невосприимчивость* к наговорам.⁵

6. От Диогнета¹ несуетность; неверие в рассказы колдунов и кудесников об их заклинаниях, изгнаниях духов и прочее; и что перепелов не стал держать² и волноваться о таких вещах; что научился сносить свободное слово и расположился к философии и слушал сперва Бакхия, потом Тандасида и Маркиана;³ что еще мальчиком сочинял диалоги и пристрастился спать на шкурах⁴ и ко всему тому, что прививают эллины.

7. От Рустика¹ я взял представление, что необходимо исправлять и подлечивать свой нрав;² не свернул в увлечение софистической изощренностью,³ не стал писать умозрительных сочинений, выдумывать учительные беседы или еще, вообразив невесть что, выступать самоистязателем или благодетелем; и что отошел от риторики, поэзии, словесной изысканности; что не расхаживал дома пышно одетый или что-нибудь еще в таком роде; и что письма я стал писать простые, наподобие того, как он писал моей матери из Синуессы;⁴ еще и то, что в отношении тех, кто раздосадован на нас и дурно поступает, нужен склад отзывчивый и говорчивый,* как только они сами захотят вернуться к прежнему; и читать тщательно, не довольствуясь мыслями вообще; и не спешить соглашаться с тем, кто вообще что-либо тебе говорит; и что встретился я с эпиктетовыми записями,⁵ которыми он со мной поделился.

8. От Аполлония¹ независимость и спокойствие перед игрой случая; чтобы и на миг не глядеть ни на что, кроме разума, и всегда быть одинаковым² — при острой боли или потеряв ребенка, или в долгой болезни; на его живом примере я увидел явственно, что может один человек быть

и очень напористым, и расслабившимся; и как, объясняя, не раздражаться; и что воочию я увидел человека, который считал опыт и ловкость в передаче умозрительных положений самым меньшим из своих достоинств; от него я научился принимать от друзей то, что считается услугой,³ не теряя при этом достоинства, но и не бесчувственно.

9. От Секста¹ благожелательность; образец дома с главою-отцом; мысль о том, чтобы жить сообразно природе;² строгость без притворства; заботливая предупредительность в отношении друзей; терпимость к обычаям с их непродуманными мнениями; умение ко всему прилагаться так, что обращение его было привлекательнее всякой лести и в то же время внушало тем же самым людям глубочайшее почтение; а еще постигающее и правильное отыскание и упорядочение основоположений, необходимых для жизни; и что никогда он не подавал малейшего признака гнева или другой какой страсти, но был одновременно предельно нестрастен³ и вместе полон теплоты; похвальное — и то у него было без шума,* и многознание напоказ не выставлял.

10. От Александра грамматика¹ неосуждение — то, что он не начинал бранить тех, кто выговаривал что-нибудь, как варвары, не по-столичному или неблагозвучно, а только искусно произносил так, как следовало, в виде ответа, подтверждения или собственного рассмотрения не слова уже, а дела, или с помощью другого какого-нибудь ловкого упоминания.

11. От Фронтона,¹ что я разглядел, какова тиранская алчность, каковы их изощренность и притворство, и как мало тепла в этих наших так называемых патрициях.²

12. От Александра Платоника:¹ не говорить никому часто и без нужды и в письмах не писать, что я занят;² и не извиваться вечно таким образом, что в отношении тех, с кем ты живешь, не делаешь надлежащего, ссылаясь на обступившие тебя дела.

13. От Катула¹ — не пренебрегать ни одним дружеским упреком, даже если неразумно упрекают, но пытаться еще и* восстановить прежнее, также учителей восхвалять с восторгом как вспоминают о Домиции² и Афинодоте;³ и к детям привязанность подлинная.

14. От брата моего* Севера¹ любовь к ближним, истине, справедливости; и что благодаря ему я узнал о Тразее, Гельвидии,² Катоне,³ Дионе,⁴ Бруте⁵ и возымел представление о государстве, которым правят в духе равенства и равного права на речь, с законом, равным для всех, также о единодержавии, которое всего более почитает свободу подданных.⁶ А еще от него ненатужное** и ровное напряжение в почитании философии; благие дела и великая щедрость, добрые надежды и вера в дружбу друзей; и нескрытность перед теми, кого случалось ему осуждать; и что его друзьям не приходилось гадать, чего он хочет или не хочет, а было это всегда ясно.

15. От Максима¹ владение собой,² никакой неустойчивости и бодрость духа, как в прочих испытаниях, так и в болезни; размеренность³ нрава, любезность, достопочтенность; как выполнял он без сокрушения* лежащие перед ним задачи; и как все ему верили, что он как говорит, так и думает, а что делает, то бесспорочно делает. Никогда не изумлен,⁴ не

потрясен, нигде не торопится и не медлит, не растерянный и не унылый, без готовой улыбки или, наоборот, без гнева и подозрений; благодетельствующий и прощающий, нелживый; от него пришло представление, что лучше невывернутый, чем вправленный;⁵ и еще, никогда не казалось, что он свысока смотрит на кого-нибудь, но никто не осмелился бы признать себя лучше его; и какая обходительность.**

16. От отда¹ нестроптивость, неколебимое пребывание в том, что было обдумано и решено; нетщеславие в отношении того, что считается почестями; трудолюбие и выносливость; выслушивание тех, кто может предложить что-либо на общую пользу, и неуклонность при воздаянии каждому по его достоинству;² умение, когда нужно, напрячься или расслабиться; как он положил предел тому, что связано с любовью к мальчикам;³ всепонимание и разрешение дружьям даже трапезу с ним не делить, не только что не выезжать с ним в дальний путь — он всегда держался по-прежнему с теми, кто был чем-нибудь задержан. Во время совещаний расследование тщательное и притом до конца, без спешки* закончить дело, довольствуясь теми представлениями, что под рукой; дружил бережно — без безумства и без пресыщения; самодостаточность во всем, веселость лица; предвидение издалека и обдумывание наперед самых мелочей; и как он без театральности** ограничил возгласы и всяческую лесть; всегда он на страже того, что необходимо для державы; и при общественных затратах, словно казначей, бережлив; и решимость перед обвинениями во всех таких вещах;*** а еще то, что и к богам без суеверия,⁵ и к народу без желания как-нибудь угодить, слиться с толпою:⁶ нет, трезвость во всем, устойчивость, и нигде этого невежества, никаких новшеств. Тем, что делает жизнь более благоустроенной, если по случаю что-нибудь такое было в избытке, он пользовался, без ослепления, как и без оправданий, так что покуда есть — брал непринужденно, а нет — не нуждался. И то, что никто о нем не мог сказать, будто он софист, что доморошенный, что ученый,⁷ нет — муж зрелый, совершенный, чуждый лести, способный постоять и за свое, и за чужое. Кроме того, уважая подлинно философствующих, прочих не бранил, по уж и не поддавался им;⁸ а еще его общительность и любезность без пресыщения; и забота о своем теле с умеренностью — не из жизнелюбия или для того, чтобы красоваться, но и без небрежения, а с тем, чтобы благодаря собственной заботе как можно меньше нуждаться во врачебной, в лекарствах или наружных припарках. А особенно то, что он был независтлив и уступчив к тем, кто в каком-нибудь деле набрал силу — в слоге, скажем, или в законах осведомлен, нравах, еще в чем-нибудь — таким он ревностно помогал, чтобы каждый был прославлен тем, в чем превосходит других. Делая все по заветам отцов, он даже и то не выставлял напоказ, что вот по заветам отцов поступает. А еще то, что он не перекидывался, не метался, а держался одних и тех же мест и тех же дел. А еще, что после острых приступов головной боли он, снова молодой и цветущий, был при обычных занятиях, и что не много было у него тайн, а совсем мало и редко, притом всегда в связи с государственными делами; при устроении зрелиц и сооружении построек и при раздача-

тому подобном внимательность и размеренность человека,**** вперившего***** взгляд в самое то, что должно быть сделано, без мысли о славе, которая от этого произойдет. Не из тех, кто купается спозаранку,⁹ вечно украшает дом или выдумывает какие-нибудь блюда, ткани, расцветку одежды, печется, чтобы люди его были все как на подбор. Одежда, в которой он из Лория возвращался в город,***** и многое, что случалось в Ланувии; как он обошелся в Тускуле с извиняющимся откупщиком, и прочее в этом духе.¹⁰ Ничего резкого, не говорю уж беззастенчивого или буйного; никогда он не был, что называется, «весь в поту»¹¹ — нет, все обдуманно, по порядку и будто на досуге, невозмутимо, стройно, сильно, внутренне согласно. К нему подойдет, пожалуй, то, что рассказывают о Сократе,¹² который мог равно воздерживаться или отведать там, где многие и в воздержании бессильны, и в наслаждении безудержны. А вот иметь силу на это, да еще***** терпеть и хранить трезвость как в том, так и в другом — это свойство человека со сдержанной и неодолимой душой, какую он явил во время болезни Максима.

17. От богов¹ получил я хороших дедов,² хороших родителей, хорошую сестру,³ хороших учителей, домашних, родных, друзей — все почти. И что никому из них я по опрометчивости не сделал чего дурного — это при таком душевном складе,⁴ от которого мог я при случае что-нибудь такое сделать, — благодеяние богов, что не вышло такого стечения обстоятельств, которое меня бы разоблачило. И то, что я не воспитывался дольше у наложницы деда, и что сберег юность свою, и не стал мужчины до поры, но еще и прихватил этого времени. Что оказался в подчинении у принцепса и отца, отнявшего у меня всякое самоослепление и приведшего к мысли, что можно живя во дворце не нуждаться в телохранителях, в одеждах расшитых, в факелах и всяких этаких изваниях и прочем таком треске; что можно выглядеть почти так же, как обыватели, не обнаруживая при этом приниженности или легкомыслия в государственных делах, требующих властности. Что брат⁵ у меня был такой, который своим правом мог побудить меня позаботиться о самом себе, а вместе радовал меня уважением и теплотой; что дети⁶ рождались здоровые и не уродливые телом. И что не пробился я далеко в риторических, пинитических и других занятиях, на которых я, пожалуй, и задержался бы, если бы почувствовал, что легко продвигаюсь на этом пути.⁷ Что успел я моих воспитателей окружить тем почетом,⁸ о каком, казалось мне, каждый мечтал, а не откладывал, полагаясь на то, что они еще молоды и что попозже сделаю это. Что узнал Аполлония, Рустика, Максима. Что явственно и нередко являлось мне представление о жизни в согласии с природой, так что, поскольку это от богов зависит и даяний оттуда, от их поддержки или подсказки,* ничто мне не мешало уже по природе жить, и если меня не хватает на это, так виной этому я сам и то, что не берег божественные знаменья и чуть ли не наставления. Что тело мое столько времени выдерживало такую жизнь.⁹ Что не тронул я ни Бенедикты, ни Феодота,¹⁰ да и потом выздоравливал от любовной страсти. Что, досадуя часто на Рустика, я не сделал ничего лишнего, в чем потом раскаивался бы. Что мать, которой предстояло умереть молодой, со мной про-

жила последние свои годы. Что всякий раз, когда я хотел способствовать бедствующему или нуждающемуся в чем-нибудь, никогда я не слышал, что у меня нет средств для этого; и то, что самому мне не выпадала надобность у другого что-нибудь брать. И что жена моя¹¹ — сама податливость, и сколько тепла, неприхотливости. Что у детей довольно было хороших воспитателей. Что в сновидениях¹² дарована мне была поддержка, не в последнюю очередь против кровохарканья и головокружений и как это поможет** в Кайете.¹³ И что, возмечтав о философии, не попал я на софиста какого-нибудь и не засел с какими-нибудь сочинителями да за разбор силлогизмов; и не занялся воздушными явлениями. Ибо все это «в богах имеет нужду и в судьбе».¹⁴

ВТОРАЯ КНИГА

Писано в области квадов близ Грана.¹

1. С утра говорить себе наперед: встречусь с суетным, с неблагодарным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным.¹ Все это произошло с ними по неведению добра и зла.² А я усмотрел в природе добра, что оно прекрасно, а в природе зла, что оно постыдно,³ а еще в природе погрешающего, что он родствен мне — не по крови и семени, а причастностью к разуму и божественному наделу.⁴ И что ни от кого из них не могу я потерпеть вреда — ведь в постыдное никто меня не ввергает,*⁵ а на родственного не могу же я сердиться или держаться в стороне от него, раз мы родились для общего дела, как поги и руки, как ресницы, как верхний ряд зубов и ряд нижний.⁶ Так вот: противодействовать другому противно природе, а негодовать и отвращаться — это противодействие.

2. Что бы я ни был такое — все это плоть, дыханье и ведущее.¹ Брось книги,² не дергайся³ — не дано. Нет; как если б ты уже умирал, пренебреги плотью; она грязь, кости, кровянистая ткань, сплетение жил, вен, протоков.⁴ Посмотри и на дыхающее: что оно такое? дуновение, да и не постоянное, а то изрыгаемое, то заглатываемое вновь.⁵ Ну а третье — ведущее. Так сообрази вот что: ты уже стар;⁶ не позволяй ему и дальше работствовать и дальше дергаться в необщественных устремлениях, и в отношении судьбы дальше томиться настоящим или погружаться в будущее.*

3. Что от богов, полно промысла, что от случая — тоже не против природы или увязано и сплетено с тем, чем управляет промыслом.¹ Все течет — оттуда;² и тут же неизбежность и польза того мирового целого, которого ты часть. А всякой части природы хорошо то, что приносит природа целого и что ее сохраняет.³ Сохраняют же мир превращения, будь то первостихий⁴ или же их соединений. Прими* это за основоположения,⁵ и довольно с тебя. А жажду книжную брось и умри не ропща, а кротко, подлишно и сердечно благодарный богам.

4. Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять,

какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не * просветлиться душой — оно уйдет, ты уйдешь,¹ и уж не придется ** больше.

5. С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, любовно, благородно, справедливо, доставив себе досуг от всех прочих представлений. А доставишь, если станешь делать всякое дело будто последнее в жизни,¹ удалившись от всего случайного и не отвращаясь под влиянием страсти от решавшего разума,² вдали от притворства, себялюбия, неприятия сопутствующих решений судьбы. Видишь, сколь немпогим овладев, можно повести благотекущую и богоподобную жизнь³ — ведь и боги ничего не потребуют больше от того, кто это соблюдает.

6. Глумись, глумись над собой, душа, только знай, у тебя уж не будет случая почтить себя, потому что у каждого жизнь — и все.* Та, что у тебя почти уже пройдена, не стыдилась перед собою и в душе других отыскивала благую свою участь.¹

7. Дергает тебя что-нибудь вторгающееся извне? — Ну так дай себе досуг на то, чтобы узнать вновь что-нибудь хорошее, брось волчком вертеться. Правда же, остерегаться надо и другого поворота дела: ведь глупец и тот, кто деянием заполнил жизнь до изнеможения, а цели-то, куда направить все устремление, да разом и представление, не имеет.

8. Не скоро приметишь злосчастного от невнимания к тому, что происходит в душе другого; а те, кто не осознает движений собственной души, на злосчастие обречены.

9. О том всегда помнить, какова природа целого и какова моя, и как эта относится к той, и какой частью какого целого является, а еще что никого нет, кто воспрещал бы и делать и говорить всегда сообразно природе, частью которой являешься.

10. Сравнивая погрешения, Феофраст,¹ хоть и делает это сравнение по-обыденному, однако по-философски утверждает, что проступки, допущенные из вожделения, тяжелее тех, что от гнева.² Разве не явствено, что разгневанный отвращается от разума с некой печалью, втайне сжимаясь;³ тот же, кто погрешает из вожделения, сдавшись наслаждению, представляется как бы более распущенным и вместе расслабленным в своих погрешениях. Так что правильно и достойно философии он утверждал, что погрешения, совершенные в наслаждениях, заслуживают более тяжкого обвинения, чем когда с печалью. И вообще, один похож скорее на потерпевшего обиду и понуждаемого к гневу печалью; * другой же прямо с места устремляется к несправедливости, вожделением увлекаемый к деянию против другого.

11. Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут.¹ Если же их нет² или у них заботы нет о человеческих делах,³ то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? Но они есть, они заботятся о человеческих делах и так все положили, чтобы всецело зависело от человека, попадет ли он в настоящую-то беду, а если есть и другие еще беды, так они предусмотрели и то,

чтобы в каждом случае была возможность не попадать в них.* А что не делает человека хуже, может ли делать хуже жизнь человека? Что ж, по неведению ли, или зная, да не умев оберечься наперед или исправиться после, попустила бы это природа целого?⁴ Неужто, по немощи или нерасторопности, она так промахнулась, что добро и худо случаются равно и вперемешку как с хорошими людьми, так и с дурными?⁵ Ну а смерть и рождение, слава, бывестность, боль, наслаждение,⁶ богатство и бедность⁷ — все это случается равно с людьми хорошими и дурными, не являясь ни прекрасным, ни постыдным. А следовательно, не добро это и не зло.⁸

12. Как быстро все исчезает, из мира — само телесное, из вечности — память о нем; и каково все чувственное, в особенности то, что приманивает наслаждением или пугает болью, о чем в ослеплении кричит толпа. Как это убого и презренно, смутно и тленно, мертв! Разумной силе — усмотреть, что такое они, чьи признания¹ и голоса [несут] * славу? И что такое умереть? и как, если рассмотреть это само по себе и разбить делением мысли то, что сопредставляемо с нею, разум не признает в смерти ничего кроме дела природы. Если же кто боится дела природы, он — ребенок.² А тут не только дело природы, но еще и полезное ей.³ Как прикасается человек к богу и какой своей частью, и в каком тогда состоянии ** эта доля человека.⁴

13. Нет ничего более жалкого, чем тот, кто все обойдет по кругу, кто обследует по слову поэта¹ и «все под землею» и расследует с пристрастием души ближних, не понимая, что довольно ему быть при внутреннем своем гении² и ему служить искренно. А служить — значит блюсти его чистым от страстей, от случайного, от негодования па что-либо, исходящее от богов или людей. Ибо то, что от богов, своим превосходством вселяет трепет, а что от людей — по-родственному мило. А иной раз и жалко их³ за неведение того, что добро и что зло. Ибо этот недуг ничуть не лучше того, из-за которого лишаются способности различать черное и белое.⁴

14. Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и пе живет он лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настояще у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается,* так оказывается каким-то мгновением то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет.¹ Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго.² А другое, что и долговечнейший и тот, кому вот-вот умирать, теряет ровно столько же.³ Ибо настояще — единственное, чего они могут лишиться, раз это, и только это, имеют,** а чего не имеешь, то нельзя терять.

15. Что все — признание. Верно, конечно, отвечали на это кинику Мониму, но верно и то, что пригодно это изречение, если принять его меткость в пределах истины.¹

16. Душа человека глумится над собой более всего, когда он начинает, насколько это в его* силах, отрываться и как бы парывать на мировом теле, потому что негодовать на что-либо значит отрываться от природы, которой крепко держится природа всякой другой части.**¹ Глумится также, когда отвращается от кого-нибудь, или еще кидается во вражду, как бывает с душой разгневанных. В-третьих, глумится, когда сдается наслаждению или боли. В-четвертых, когда делает или говорит что-нибудь притворно и лживо. В-пятых, когда отправит безо всякой цели какое-либо деяние или устремление, действуя случайно или бессвязно, между тем как падо, чтобы и самая малость сообразовалась с некоторым назначением. А назначение существ разумных — следовать разуму и установлениям старейшего града и его государственности.²

17. Срок человеческой жизни — точка;¹ естество — текуче;² ощущения — темны, соединение целого тела — тленно; душа — волчок, судьба — непостижима, слава — невзыскательна. Сказать короче: река — все телесное, слепота и сон — все душевное; жизнь — война,³ пребывание на чужбине,⁴ а воспоминание — то же, что забвение. Что может сопутствовать нам? Одно и единственное — философия.⁵ Она в том, чтобы беречь от глумления и от ран живущего внутри гения, того, который сильнее наслаждения и боли, ничего не делает случайно, лживо и притворно, не нуждается в том, чтобы другой сделал что-нибудь или не сделал; который принимает, что случается или уделено,⁶ ибо оно идет в целом оттуда же, откуда он сам; который, наконец, ожидает смерти в кротости разумения, видя в ней не что иное, как распад первоестествий, из которых составляется всякое живое существо. Ведь если для самих первоестествий ничего страшного в том, чтобы вечно превращаться во что-то другое, почему тогда нам коситься на превращение и распад всего? Ведь сообразно природе это, а что по природе — не зло.

ТРЕТЬЯ КНИГА

Писано в Карунте.¹

1. Высчитывать не только, как с каждым днем растрачивается жизнь и остается все меньшая часть ее, — и то высчитай, что проживи человек дольше, неизвестно, достанет ли у него силы-то ума для понимания вещей и того рассмотрения,* которое сильно искушенностью в божественном и человеческом.¹ Ведь начнет же дуреть — дышать, кормиться, представлять, устремляться, и все такое, будет без недостатка, а вот располагать собой, в надлежащее по всем числам² вникать, первопредставления расчленять и следить за тем, не пора ли уже уводить себя³ и прочее, что нуждается в разумной моцци, — это все раньше угасает. Значит должно нам спешить не оттого только, что смерть становится все ближе, но и оттого, что понимание вещей и сознание прекращаются еще раньше.

2. Следует примечать, как и в том, что сопутствует происходящему по природе,¹ есть некая прелесть и привлекательность. Пекут, скажем, хлеб, и полопались кое-где края — так ведь эти трещины, хоть несколько противоречащие искусству пекаря, тем не менее чем-то хороши и особенно возбуждают к еде. Или вот смоквы лопаются как раз тогда, когда совсем поспели; у спелых маслин самая близость к гниению добавляет плодам какую-то особенную красоту. Так и колосья, гнующиеся к земле, складки на морде у льва, пена из кабаньей пасти и многое другое, что далеко от привлекательности, если рассматривать его отдельно, однако в сопутствии с тем, что по природе, вносит еще более лада и душу увлекает; поэтому кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом целом, тот вряд ли хоть в чем-нибудь из сопутствующего природе не найдет, что оно как-то приятно пристроено.* Он и на подлинные звериные пасти станет смотреть с тем же наслаждением, как и на те, что выставляются живописцами и ваятелями как подражание;² своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту и некий расцвет старухи или старика, и прелесть новорожденного; ему встретится много такого, что внятно не всякому, а только тому, кто от души расположен к природе и ее делам.

3. Гиппократ,¹ излечивший много болезней, заболел и умер.* Халден² многим предрекли смерть, а потом их самих взял рок. Александр, Помпей, Гай Цезарь,³ столько раз до основания изничтожавшие города, сразившие в бою десятки тысяч конных и пеших, потом и сами ушли из жизни. Гераклит,⁴ столько учивший о воспламенении мира, наполнился изнутри водой и, обложенный навозом, умер. Демокрита⁵ погубили вши, Сократа — другие вши.⁶ Так что же? — сел, поплыл, приехал, вылезай.⁷ Если для другой жизни, то и там не без богов, а если в бесчувствии,⁸ то перестанешь выдерживать наслаждение и боль и услужение сосуду,⁹ который тем хуже, что сам он в услужении,**¹⁰ ибо одно — разум и гений, другое — земля и грязь.

4. Не переводи остаток жизни за представлениями о других, когда не соотносишь это с чем-либо общеполезным. Ведь от другого-то дела откажешься, воображая, значит,* что делает такой-то и зачем бы, и что говорит, и что думает и что такое замышляет, и еще много всякого, отчего сбивается внимание к собственному ведущему. Должно поэтому уклоняться того, чтобы в цепи представлений было случайное или напрасное, а еще более — суевное или злонравное; приучать себя надо только такое иметь в представлении, чтобы чуть тебя спросят: «О чём сейчас помышляешь?», отвечать сразу и откровенно, что так и так; и чтобы вполне явственно было, что все там просто и благожелательно и принадлежит существу общественному, неозабоченному видениями¹ услад или вообще каких-нибудь удовлетворений, а еще — что нет там какой-нибудь вздорности или алчности, или подозрительности, или еще чего-нибудь такого, в чем не сможешь признаться не краснея, что оно у тебя на уме. И вот такой человек, который более уж не откладывает того, чтобы быть среди лучших, есть некий жрец и пособник богов,² распоряжающийся и тем, что поселилось внутри его,³ благодаря чему человек ** этот наслажденьями

не запятнан, не изранен никакой болью, ни к какому насилию не причастен, ни к какому не чувствителен злу; подвижник он подвига великого⁴ — ни единой не покорился страсти, справедливостью напоен до дна; от всей принимает души все, что есть и дано судьбой.^{***} А представлениями о том, что говорит, делает или думает другой, он себя без крайней и общеполезной нужды не часто займет. То, что при нем, то ему для действия, а что отмерено судьбой, в то он вглядывается непрестанно; в том он поступает прекрасно, а в этом уверился, что оно благо. Ибо удел, отмеренный каждому, несом целым и целое несет.⁵ А еще он и то помнит, что единородно все разумное, и что попечение о всех людях отвечает природе человека, а славы стоит добиваться не у всех, а у тех только, кто живет в согласии с природой.⁶ А кто не так живет, про тех он всегда помнит, каковы они дома и вне дома, ночью и днем, и с кем водятся. Вот и не станет он считаться хотя бы и с хвалой таких людей, которые и сами-то себе не нравятся.⁷

5. Не действуй как бы нехотя, необщественно или же необдуманно, или же зависимо. Пусть вычурность не изукрасит твою мысль; многословен и многосуетен не будь. И пусть бог, что в тебе, будет покровитель существа мужеского, зрелого, гражданственного, римлянина, правителя, того, кто сам поставил себя в строй и по звуку трубы с легкостью уйдет из жизни, не нуждаясь ни в клятвах, ни в людском свидетельстве;² в нем одно веселье* и независимость от помощи другого и независимость** от того покоя, который зависит от других. Верно: «исправным должно быть, а не исправленным».³

6. Если находишь в человеческой жизни что-нибудь лучше справедливости, истины, здравомыслия, мужества¹ или вообще того, чтобы мысль твоя довольствовалась собою, когда ты благодаря ей действуешь по прямому разуму,² и судьбой довольствовалась, когда принимаешь то, что уделено нам не по нашему выбору; если, говорю я, усмотрел ты что-нибудь лучше этого, то, обратившись к нему всей душой, вкуси от этой прекраснейшей из находок. Если же не появляется ничего, что лучше поселенного в тебе гения, который и собственные устремления себе подчинил,³ и свои представления обследует,⁴ и от чувственных переживаний себя, как Сократ говорит,⁵ оттащил, и богам себя подчинил, а о людях печется; если ты находишь, что все прочее более мелко и убого, чем он, то не давай места ничему такому, к чему однажды притянувшись и прибившись, уже без судорожного усилия не сможешь предпочитать то, что есть благо и само по себе, и твое. Недозволительно выставлять против разумного и деятельного* блага что бы то ни было чужеродное, хоть бы хвалу от многих,** или должности, богатство, или вкушение наслаждений. Все эти вещи, даже если кажется, что понемногу они кстати, вдруг овладевают и несут за собой. Так избери же, говорю, просто и свободно то, что лучше, и этого держись. — Тем лучше, чем больше приносят пользы.⁶ — Если как разумному тебе полезно, храни. А если как животному,⁷ то докажи и соблюдай свое суждение без ослепления. Смотри только, основательно рассуди.

7. Никогда не расценивай как полезное тебе что-нибудь такое, что